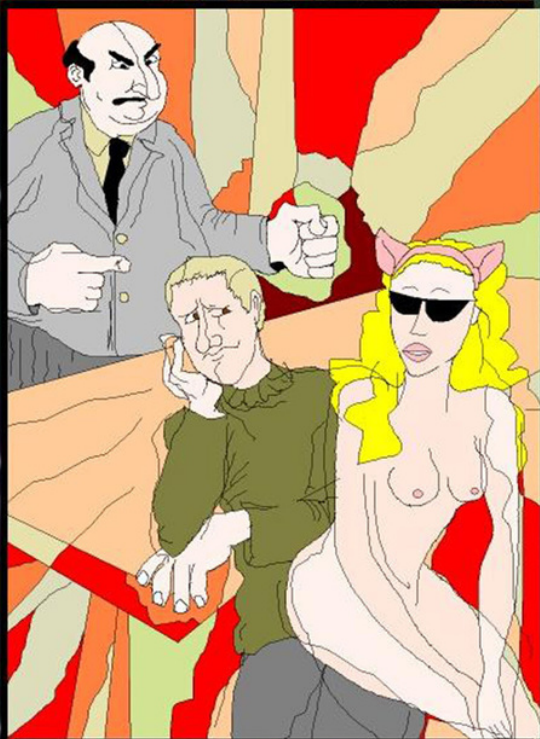

Александр ШОРИН

Другой Мир ЗА УГЛОМ

@ЭЛИТА

18+

Александр Шорин

Другой мир за углом (сборник)

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=7384436

Шорин А. Другой мир за углом. Сборник фантастических рассказов:

ЭИ «@элита»; Екатеринбург; 2013

Аннотация

Электронное издательство «Аэлита» представляет сборник фантастики екатеринбургского автора Александра Шорина «Другой мир – за углом».

Всем, кто любит хорошую фантастику, в которой много от лучших образцов острого сарказма таких классиков жанра, как Роберт Шекли или Генри Каттнер, будет интересен и этот сборник.

Фантастические рассказы Александра Шорина, талантливого екатеринбургского журналиста и писателя, это действительно – другой мир. Который, вроде бы нереален и находится где-то очень далеко. В рассказах говорится про жизнь, наполненную странными, фантастическими гиперболами и шутливыми, порой предельно саркастическими или абсурдными аллегориями.

Но, если задуматься, то в героях и образах автора мы увидим жизнь нашу повседневную или то, что ждёт нас в недалёком будущем. Автор описывает, критикует, издевается – но не над фантастическими коллизиями, а над нами сегодняшними, над

недостатками нашего мира. И, получается, этот «другой мир» совсем рядом. Он буквально – за углом...

Содержание

Часть 1. Камасутра для старшеклассников	5
Введение	5
Любовь женщины-кошки	10
Спасти мир	18
Сказочник	20
Любовь как порно	29
Про китайцев	37
Ночная русалочья	41
Девушки и уши	50
Языковая система	57
Спинка	59
Мечты и реальность	63
Про разборки с самим (самой) собой	67
Часть 2. Анализ будущего	80
Введение	80
Увольнение	84
Есть ли жизнь на Марсе?	89
Конец ознакомительного фрагмента.	92

Александр Шорин

Другой мир за углом (сборник)

Часть 1. Камасутра для старшеклассников

Введение

Наверное, уже лет десять прошло с тех пор, как мне впервые сказали «Шорин – это не фамилия, это диагноз!». Я тогда не поверил, даже обиделся немного. Но вот те самые десять лет прошли, и я решил написать об этом книжку...

Но, для начала... Какой я?

Ну... например, такой:

..... , : ; , ' ; ' ; ' ; ' ; ; ; ,
..... , - ' ; ' : ; . ' : ; ; ' : ; ; ' : : ; ,
..... - ' - , , - ' : ; ' : ; ; ' : ; ; : ' : : ; ; ,
..... - ' : ; ; . ' : ; ; . ' : ; ; ' : ; ; : : : ; ; ,
..... (' : ; ; ' : ; , - . , . ' : ; ; . ' : ; ; ; : : : ; ; ,

....., " - = ; , ; : . ' ; ; , . . . ' : ; ; , . . . : : : : ; ;
 / ' - ; , ' : ; ; , ; ; , . . . ' : ; ; , : : : : ; ;
 / , - = ; , _ . . . - . ' : ; , ; - ; , ' : ; ; , : : : : ; ;
) , ' , " ; ; - . . . " . . . ; / ; ; ; ; ' : ; , : : : ; ;
 , ' . . . - ; , ' ; ; ! ; ; ; ; ; . . . : : ; ;
 / . , . , . . . ' ; ; , ;) ; ; : / : . . . : ; ' ..
 (_ , - .) ' ' ; . . . ; ; , . . . ; ' : . . . : : ; ; .
) , . . . , ' ; . . . ; ; . . . , ' = ; ' . . . : : : ; ;
 ' - , . - = " ' . ' ' ; ; . . . ' ; ; ; ;
 ' - , - " : ; , ; ; ; ' : . . . : ; ;
 ; . . . , , . . . , ' ; ; ; ; ; ; ; ; ; ; ' .
 ' : _ , - ; ; . : ' ; ; .

Нет, не совсем – тут уж слишком солидно. Наверное, та-
 кой:

(0_0)

Нет, лучше вот такой, где я похож на «мэтра»:

WWWWWWWW__WWWWWWWW__WWWWW
 WWWWWW__WWW_____WWW__WWW
 WWWWW__WWW_____WW__WWW
 WWWW__WW_____WW__WW
 WWW__WW__WWWW_____WW__W
 WW__WW_____W__W

WW_W_WWWWWW_____WW____
_____W_____W_____

WWWWWWW_____WWWWWWW_____WWW

W_____WWW_____WWWWWWW_____W

W_____W_____W_W_W

W_WW_WWW_WW_W_W_W_W_W

WW_____W_W_____WW_____WWWWW_W

_____WW_____WW_____WW_____W_W_W_W

_____WWWW_____WWWWW_____W_WW_WW

_____W_____W_____W_W_WW_

_____WW_____WW_____WW_____WWW_____

_____WWWW_____WWWWW_____WW_____WWWW_____

_____WW_____

WWWWW_____WWW_____WWW

_____W_____WWW_____W_____WWW

_____W_____WW_WW_____W_____WWW

_____WWWWW_____WWWWW_____WWW

_____WW_____WWWWW

_____WW_____WWWWW

WW_____WWWWW

W_____WWWW_____

W_____WWW_____

W_____WWWW_____

W_____WWWW_____

WW_____WWWW_____

_____WW_____WWWWW_____

____ WW _____ WWWWWW _____
____ WWWWWWWWWWWWWWW _____

... Впрочем, так ли важно то, как я выгляжу? Важнее другое: я тот самый Шорин, который живет в одном специальном месте под названием «Домик на Краснолесье», куда к нему иногда приходят гости. Эти гости бывают похожи на

____ ##### _____ #####
____ ### _____ ### _____ ### _____ ###
____ ### _____ ### _____ ### _____ ###
____ ### _____ ### _____ ### _____ ###
____ ##### _____ #####
____ ## _____ ##
____ ##### _____ #####
____ ### _____ ### _____ ### _____ ### _____ ###
____ ### _____ ### _____ ### _____ ### _____ ###
____ ### _____ ### _____ ### _____ ### _____ ###
____ ##### _____ #####
____ ### _____ ### _____ ### _____ ###
____ ### _____ ### _____ ##### _____ ###
____ ### _____ ### _____ ### _____ ###

или на

(x_X(X_x(O_o)x_X)X_x)

Л__Л__|||__Л__Л\

Там, на небольшой кухне, за кружечкой кофе (или чего покрепче – напрягите воображение), я веду со своими друзьями и подругами долгие разговоры. Нет, не обязательно ко мне идут за советами – боже упаси! Скорее приходят именно побеседовать, рассказать о чём-то.

О чём? Чаще всего почему-то о любви.

Иногда из этих бесед рождаются рассказы.

Любовь женщины-кошки

Смотреть на то, как Мехлис, мой начальник, обрабатывает клиента – одно удовольствие. Клиенты у нас, как правило, такие же необычные, как и наш товар, и к каждому Мехлис умудряется ключик подобрать. Даже сам внешне меняется! Вот сейчас, к примеру, клиент толстенький, с тремя трясущимися подбородками и маленькими заплывшими глазками – так и Мехлис на глазах становится ниже и толще: прям родной брат! И рассказывает ему совсем по-свойски:

– Это Милочка, три года. Рекомендую, в самом соку! К туалету приучена, сама умеет принимать душ и чистить зубы. Может приготовить коктейль и разогреть бутерброды в микроволновке...

Я вижу, что клиента интересует совсем не это, Мехлис это тоже замечает, но пока что сознательно игнорирует: излишняя откровенность может отпугнуть сомневающегося. Всё-таки каждая из наших крошек стоит в два раза дороже, чем новенький «Мерседес» последней модели.

– Умеет танцевать, делать массаж...

Клиент начинает терять терпение, и Мехлис переходит к главному:

– Вас волнует, что она умеет в постели?

Тот кивает и на его носу виснет крупная капля пота.

Мехлис продолжает медленно:

– Всё, что касается... э... сексуальных отношений... будет зависеть только от вас. Она будет выполнять любые прихоти, причём только ваши. Мы даём гарантию.

И только в этот момент он отворачивается от клиента, и наконец смотрит на Милочку: прекрасно сложенную и абсолютно нагую юную девушку, которая сидит в кресле, с детской непосредственностью поджав под себя ноги. Глаза её закрывают плотно пригнанные черные очки.

Клиент тоже смотрит на неё, и с его носа капли пота начинают капать одна за одной, но он, кажется, этого совсем не замечает: он смотрит во все глаза на предстоящую покупку.

– Она будет любить вас, и только вас, – повышая голос, продолжает Мехлис. – Всегда, до самой смерти.

...Как известно, дрессировка женщин-кошек проходит несколько этапов, которые для того, чтобы получилась полноценные особи, годные к продаже, должны соблюдаться неукоснительно. За этими-то этапами я и слежу, задача Мехлиса – продавать, в чем ему нет равных.

Сначала, конечно, приходит груз с котятами. Они всегда очень забавные, когда только-только после разморозки. И все самки: самцы слишком агрессивны, даже после длительной дрессировки, и мы с ними никогда не связываемся.

Непосвящённые гадают: на кого больше похожи эти котята – собственно на котят или на человеческих детей? Открою тайну: ни на тех, ни на других – больше всего они напомина-

ют больших щенков, покрытых розовым пухом. Первая моя задача: подружиться с ними. Вторая – приучить исключительно к человеческой еде: никаких муравьев, никакой падали, которую они привыкли есть дома. Молоко – только коровье, в крайнем случае – козье. Третье: они должны ходить в туалет так, как это делают люди: то есть сначала на горшок, а потом, когда чуть подрастут – на унитаз. Четвёртое, и самое сложное: они должны мыться, преодолев природное отвращение к воде. Тут приходится помучиться!

Конечно, у каждой из них свой характер и не всегда приятный, но в целом, скажу я вам, это ангельские создания: весёлые, послушные, игривые. И очень смышленные. А как быстро они растут! Буквально через месяц каждая из них уже ростом с девочку лет пяти, через полгода каждая – уже девочка-подросток, а к седьмому месяцу, когда пух начинает вылезать, они уже должны быть абсолютно послушны и уметь то самое необходимое, о чем я уже говорил: есть, ходить в туалет и мыться. И именно тогда мы закрываем их глаза специальными очками, которые невозможно самостоятельно снять: следующее, что они должны увидеть в этой жизни – их будущий хозяин. Увидеть его – значит увидеть своего будущего господина на всю оставшуюся жизнь. Принадлежать только ему, любить только его.

Всегда.

...Милочка поднимается с кресла, и тут клиент видит

шрам на её ноге: несмотря на все наши старания, она всё-таки немного прихрамывает. Клиент хмурится.

– Мы готовы сбавить цену на тридцать процентов, – говорит Мехлис елейным голоском.

Но тот решительно мотает головой. Мехлис вздыхает. Он не хуже меня знает: всем покупателям нужны идеальные тела, хромоножка никого не интересует. Он снова вздыхает и ведет клиента в другую комнату, говоря:

– Я покажу вам Розочку. Она идеальна, но стоит будет гораздо дороже...

Когда они уходят, я медленно подхожу к Милочке. Она чует мой запах и, вскочив, прижимается к моей ноге. Я нежно глажу её мягкие, чуть рыжеватые волосы и говорю грустно:

– Если тебя не купят, то ты начнешь стареть.

Она ласково мне улыбается. Слов она не понимает, а интонация моего голоса упрёка в себе не несет: в душе я рад, что Милочка вновь осталась с нами.

Она была необычным котенком: видимо, когда ее ловили в джунглях Колхиды, то повредили лапку и не заметили этого. Потом, уже здесь, лапка загноилась и так болела, что даже наша медицина не смогла вылечить её окончательно. Я возился с ней больше, чем с остальными вместе взятыми, а в результате её никто не хочет покупать. Обидно!

Тут я задумался и вспомнил страшные истории о том, что

делают богачи с теми кошками, которые стареют. На седьмой год человеческой жизни эти милые создания начинают набирать вес и покрываться морщинами. На десятый – дряхлеют, а к двенадцатому обычно умирают от старости. С людьми у них потрясающее внешнее сходство, а вот век совсем другой. Говорят, что старых особей хозяева иногда убивают или выбрасывают на улицу. Второе страшнее, потому что умирают они не от голода, а от тоски по утраченному господину...

– Пойдем, – говорю я Милочке.

Та послушно, чуть прихрамывая, идет за мной в питомник, внешне неотличимый от обычной большой квартиры. Там она сворачивается калачиком на своем любимом диване и начинает мурлыкать, когда я глажу ее волосы.

Я надеваю на нее халат и невольно засматриваюсь: все женщины-кошки в юном возрасте очень красивы, но Милочка, на мой взгляд, лучше других: у неё умильно вздёрнутый носик и прекрасный, чувственный рот. А грудь... Нет, не будем об этом!

«Интересно, какие у неё сейчас глаза?» – думаю я.

В детстве они у всех котят прозрачно-голубые, а к двум годам, когда их можно уже продавать, они, как правило, становятся изумрудно-зелёными. Иногда желтоватыми... Вот только преданно эти глаза смотрят только на своего хозяина, на остальных они глядят холодно, даже презрительно.

На всех. Даже на меня.

... Через полчаса, облегченно отдуваясь, является Мехлис. По всему видно: продажа прошла удачно.

– Хорошая была идея предлагать сначала Милочку, а уже потом других, – говорит он довольным тоном. – Я всегда навешиваю цену, а они всегда соглашаются.

И он довольно хихикает.

– Вот только что будем делать, когда Милочка начнет стареть? – спрашиваю я задумчиво.

– Не бери в голову, – отмахивается он. – Продам кому-нибудь по дешевке.

– За сколько? – спрашиваю я неожиданно.

– Тысяч за тридцать-сорок... – говорит он беззаботно.

И вдруг настораживается:

– Эй! А что это ты спрашиваешь?

– Да так... – отвечаю я как можно беззаботнее, но от его опытных глаз не ускользает мое смущение.

– Ты это брось! – говорит он, глядя мне прямо в лицо.

Я опускаю взгляд и говорю тихим голосом:

– А что такого? Будет нам помогать воспитывать малышей.

Он берёт меня за подбородок своими толстыми пальцами, поднимает мою голову и смотрит мне прямо в глаза:

– Ты это серьёзно?

– Вполне! – говорю я почти с отчаяньем.

Он резко отпускает руку, и голова моя вновь падает на грудь. Тихо, но зловеще-отчетливо он произносит то, что я

знаю и без него:

– Забыл историю Грин-Грэй? А? Забыл?!!

Историю, о которой он говорит, я, конечно же, помню так же хорошо, как все кошатники.

Наши кошечки совершенно равнодушны к соперницам-женщинам, но не потерпят рядом со своим хозяином ни одной другой кошки: с ними они начнут сражаться не на жизнь, а на смерть. Это известно давно, и об этом мы предупреждаем каждого покупателя. Но вот только до определенного времени считалось, что на котят это никак не распространяется: напротив – срабатывает инстинкт материнства. Грин-Грэй, известный кошатник, завел себе жену-кошку, и она очень помогала ему при воспитании котят... Но только до тех пор, пока они не повзрослели. В момент их созревания инстинкт любви к хозяину стал сильнее инстинкта материнства, и милая кошечка растерзала их всех. И не просто растерзала – съела. Этот случай, конечно же, замяли, чтобы избежать шумихи, но нам, профессионалам, он конечно был хорошо известен.

– Да не забыл, не забыл! – ворчу я и плетусь в питомник, показывая тем самым, что разговор окончен.

– Завтра же её продам, – кричит он мне вслед. – За тридцать тысяч, за двадцать... Подарю кому-нибудь, в конце-то концов!

Я затыкаю уши, чтобы не слышать этих слов.

Больше всего в жизни мне хочется увидеть глаза моей Ми-
лочки, скрытые под очками. Прекрасные, влюблённые, пре-
данные глаза, которые, увидев меня, уже никогда не разлю-
бят.

Спасти мир

Скушно... Ничего меня не радует.

Составил вызывающую sms-ку: «Я тебя давно ХОЧУ» и отправил по всем женским номерам, которые нашлись в телефоне...

И чего дождался?

От номера под ником «Ю» сообщения: «Сам дурак» и всё. Обидно!

Через полчаса отправил всё ту же «sms-ку вообще по всем телефонам, какие знал, включая тётушку и научного руководителя.

Телефон буквально раскалился, трезвоня.

Я его выключил.

Скушно, блин!

Спать? Только не это! Купил пару банок «Адреналин-Раш», высосал их и потащился в клуб, где дискотека и стриптиз. Там пил коктейли, пока не кончились деньги, ущипнул за зад какую-то блондинку... Её мачо разбил мне нос.

А всё равно скушно!

Вселенская тоска меня снедает. Знаете ли вы, что это такое?

...Несмотря на то, что потерял счет выпитым кружкам кофе, часам к пяти утра всё-таки срубился на диване, так и не поняв смысла фильма о каких-то монстрах...

...Стоило заснуть, как вновь явился Он. По-прежнему – страшная зелёная морда в отвратительных бородавках.

– Ну чего ты ко мне привязался? – вопрошал я его.

Но он гнул своё: вот уже вторую неделю подряд каждую ночь.

– Твоя планета в опасности, парень! Через двадцать земных лет сюда прилетят корабли Чжао и проведут колонизацию, уничтожив весь ваш вид, как уничтожили наш, на планете Кюн. Вашему правительству нужно срочно мобилизовать ресурсы для отражения нашествия!

– Отстань, паскуда! – умолял я. – Я что, по-твоему: Президент или Председатель ООН? Я обычный человек!

– Ты необычный. С тобой я могу установить ментальный контакт, а с названными тобой людьми – нет. Ты должен спасти свой мир!

– Изыди!!!

...Проснулся как всегда с больной головой и опухшим лицом. Сижу, уставившись в одну точку, и думаю, чем бы сегодня себя занять.

Скушно!

Сказочник

...– Расскажите, как *полюбить*.

Юноша несколько театрально изогнул руки в локтях, выставляя зачем-то перед глазами подушечки пальцев, словно только что вынул их из кипящего масла и теперь решил дуть на них.

– Полюбить – это не сложно.

Толстый мужчина самодовольно улыбнулся, и его щеки, и без того розовые, стали совершенно пунцовыми. Он скрестил пальцы на обширном животике и, слегка откинувшись назад, отчего кресло, в котором он сидел, совершенно непристойно скрипнуло, пророкотал:

– Нужно просто представить женщину, которую ты хочешь полюбить, готовой к совокуплению с тобой.

Он слегка прикрыл глаза, словно представляя себя совокупляющимся с одной из женщин, и продолжил.

– Совсем немного воображения. Представь – ты целуешь её нежную шею... прямо возле пульсирующей жилки, проводишь языком возле нежной, розовой мочки уха... Обычно этого уже достаточно.

– Извини... но я... Я даже подумать боюсь о *таком*.

Юноша, словно смутившись собственным пальцам перед лицом, запустил их в чёрные волосы, отчего в прядях засверкали мельчайшие голубые искры. Это почему-то смутило его

еще больше, и он поспешно убрал руки куда-то за спину.

– Да ты сядь!

Мужчина слегка поморщился и кивнул головой куда-то в сторону. Юноша повернул голову в направлении кивка, обнаружил там широкий кожаный диван. Сделал к нему шаг и присел на краешек.

– Не так! Сядь и расслабься. Можешь даже залезть с ногами. Такие вещи не объясняются тем, кто напряжён как ты сейчас... Успешно не объясняются.

Юноша послушно высвободил ноги из ботинок и оплел руками худые колени, обтянутые джинсами.

– Так лучше. А то стоишь, будто штык проглотил... Ты довольно красив, тебе будет легко... На второй или третий раз. Первый – всегда сложно. Может, правда, и совсем не получится, но это бывает. В первый раз, второй и даже после. Это мы устраним. А вот если не сможешь после... Ну да ладно, этого не будет, я постараюсь.

Юноша после этих слов слегка заёрзал. Его голубые глаза, ярко контрастировавшие с тёмными волосами, смотрели несколько испуганно. Это почему-то рассмешило мужчину.

– Будь я женщиной, уже был бы без ума. Какой отбор ты прошёл?

– Один из тысячи, примерно, – отозвался тот.

– Ну вот видишь. Никаких осечек. Ха-ха! Смазливый чертёнок, да ещё и скромненький как девственница. Ха-ха!

Он отсмеялся, даже отёр слёзы рукавом халата, в который

был одет.

– Полюбить – это не сложно. Природа берёт своё. Главное тут – не фальшивить, не пытаться играть. Женщины это чувствуют – не обманешь... Сложнее – полюбить *любую*. Полюбить мгновенно, за считанные секунды. Вот это сложно! А ещё...

Тут он сделал паузу, провёл левой рукой вдоль бедра и, видимо нащупав карман, достал оттуда сигарету и зажег её. Закурив, затянулся первым глотком дыма и продолжил:

– А ещё сложнее разлюбить. Разлюбить также мгновенно, как полюбил. Вот над чем психологи наши бьются! Целые теории разрабатывают, почему это сложнее... Хоть и говорят, что все мужчины по натуре полигамны, а как доходит до дела... В общем бывает тяжело, особенно поначалу. Тут главное вспомнить, что это – твоя работа. Понял?

– Понял... – эхом отозвался юноша. – А как... разлюбить?

– Хм. – Мужчина потер подбородок, отчего пепел на его сигарете опасно накренился. Он, заметив это, откинул крышку пепельницы, вмонтированной в спинку кресла и напоминающей плевательницу в кабинете зубного врача. – Придумывают всякие штуки. Целая наука: например, представить, как из милой попки, которая тебе так нравится, выходят фекалии, или отвратительный запах изо рта. Это тебя потом научат.

Всему научат... Я ведь ничему не учу, ты ведь знаешь это, наверное.

Голос юноши прозвучал немного смелее.

– Знаю. Вы – легенда нашей школы. Вы главный консультант. Правильно?

– Я – старая развалина. Просто я был когда-то лучшим, и поэтому обо мне не забыли. Считается, что я могу лучше всех «спецов» определить пригодность каждого из вас к нашей работе. На глаз, так сказать... Традиция, не больше. Фикция, дешевка... Подай, пожалуйста, коньяк.

Юноша аккуратно опустил ноги с дивана и, потянувшись к столику, наполнил небольшую рюмку из пузатой темной бутылки.

Мужчина протянул руку к рюмке и, задержав её на секунду возле носа, залпом опрокинул.

– Налей себе.

Юноша повиновался, но только слегка пригубил напиток.

– Пей, пей. Это тоже нужно уметь.

Тот послушно выпил, с трудом подавив кашель. Мужчину это опять почему-то развеселило.

– Закуси долькой лимона. Не научишься пить коньяк так, как будто это самый естественный для тебя напиток, – ничего не добьешься в нашем деле. Запомни: в отличие от молодых девушек дамы за сорок многие просто обожают коньяк. Даже водку – некоторые. Но мне водка кажется слишком грубой, даже женская, ароматизированная...

Да, впрочем, что это я? Сегодня же у тебя праздник – встреча со мной. Так, кажется, у вас считается?

Юноша кивнул.

– Я в твоём распоряжении. Можешь закидать меня вопросами, если хочешь.

– Не хочу вопросов. Хочу, чтобы вы рассказали о себе.

– О себе? Ха!

Мужчина неожиданно резко выпрямился в кресле, и его уже одутловатое, почти старческое лицо, стало почти красивым. В нём проглянули черты необычайной аристократической красоты, доселе почти неуловимой.

– Хочешь потешить старика? Кто-то из друзей подсказал, что нужно спросить у старого Гарри, если тот попросит сам задавать вопросы? А? Признавайся!

– Нет, нет. Поверьте, я сам. – Юноша всем своим видом выражал искренность. – Да ведь мы почти не общаемся друг с другом, только на общих занятиях, вы же знаете...

– Не общаемся. Как же! Только дураки не умеют обходить правила. А ты на дурака не похож. Скорее уж слишком умный.

Гарри теперь напоминал сварливого старика, которому вместо сигары подсовывают молочный коктейль.

– Ну да ладно. Все вы мастера врать. Сегодня твой день, и я тебе его не испорчу своим брюзжаньем. Хочешь мою историю – слушай. Может быть, я даже сегодня не буду сильно кривить душой.

– ...Эта история началась, когда я был совсем-совсем молод. – Он взглянул на юношу. – Как ты сейчас. Нет, наверное, еще моложе. Я жил с родителями в большом городе и хотел стать взрослым и независимым. Хотел зарабатывать хорошие деньги.

Но я, повторяю, был совсем еще молод и совсем ничего не умел делать *хорошо*. Нет, я, конечно, закончил школу, но это в то время ничего не значило – школу заканчивали все, и там ничему особенному не учили: математика, химия, литература... ну да ты знаешь сам.

Я был красив, и на меня заглядывались девушки. И у меня было желание жить красиво и богато. И при этом – ничего за душой: родители еле-еле сводили концы с концами. Кроме того, я был старшим в семье и, следовательно, самым ненужным.

Так вот. Как раз в то время, когда сверстники начали подыскивать себе институты, в которые нужно поступать, чтобы завоевать себе место в жизни, я пытался найти какой-нибудь иной путь, пролистывая объявления в газетах. И нашёл.

Оно гласило:

«Центр “Гармония” приглашает к сотрудничеству молодых людей с красивой внешностью. Телосложение – пла-

стичное. Для прошедших предварительный отбор гарантируется высокая заработная плата. Специальных навыков не требуется».

Меня покорила последняя фраза. Навыки в чём бы то ни было – вот чего мне не хватало тогда! Тот самый «предварительный отбор» я прошел без труда: мне просто задали два-три ничего не значащих вопроса, а после рассмотрели без одежды – и всё. После объявили расписание занятий, куда нужно было ходить как в школу. Несколько месяцев – гимнастика, музыка, риторика, этикет... Каждый день – что-то новое, я даже увлёкся. А потом каждого из нас приглашал к себе Он. Да, да, Гарри – тот, чьё имя я теперь ношу как своё и ношу с гордостью, считая что он – один из немногих людей, сумевших предвосхитить будущее.

Ведь ты должен знать, что это были те времена, когда почти у каждого мужчины была женщина, у многих даже – несколько. И никто (кроме Гарри!) не задумывался о том, что каждой женщине нужен идеальный любовник. Да, именно так он мне и сказал: «идеальный любовник», я тогда, наверное, не совсем правильно его понял.

Понимаешь, я лукавил, когда говорил тебе «работа», «получишь работу». Общаться с женщиной – величайшее искусство, доступное лишь избранным. Гарри это понимал, остальные – нет. И ко времени *великого поворота* через мои руки прошло уже около сотни женщин. Я не вру: сотни. Может, даже больше. Поверь – далеко не с каждой из них я за-

нимался любовью, но любил каждую из них. Многие даже снились мне потом. Но ни с одной из них я не был дважды – это тоже *принцип Гарри*. Он был тонкий стратег.

Я научился восхищаться каждой из них. Каждая была неповторимой. Каждая – событие, вихрь, необъятность, вселенная. Каждая – любимая и самая красивая. Понимаешь?

Это были лучшие годы в моей жизни. Самые-самые.

А потом был *поворот*, и все рухнуло. Рухнуло для всех, кроме этих грязных педиков, которые сейчас нами правят...

Гарри осёкся на полуслове.

– Ты ведь не хочешь смотреть на стариковские слёзы? Мне пора, пожалуй. Помоги.

Он тяжело поднялся и, не глядя уже на юношу, побрёл в дальний конец комнаты, где был расположен аппарат заморозки – кабина в человеческий рост, почему-то по форме напоминающая роскошный гроб.

Он лёг на ложе и включил датчик режима заморозки. Юноша, неслышной тенью следующий за ним, аккуратно прикрыл матово-прозрачную крышку и медленно пошёл к дверям.

* * *

– Ну что, Стас, что он тебе рассказал?

Компания из нескольких молодых людей поджидала юношу на выходе. Он молча прошел мимо – спрашивать разре-

шалось, отвечать – нет.

И только поздно вечером, когда к нему как обычно прокрался Михась, чтобы тайком и по-быстрому заняться сексом, он решился заговорить об этом.

– Они правда когда-то были?

– Ты о женщинах?

– О ком же ещё!

– Ты же знаешь.

– И всё же скажи.

– Ну. – Стас зевнул сонно. – Конечно, нет.

Любовь как порно

Я – невезучий парень. Настолько невезучий, что даже умереть не могу как следует. Умирать мне пока просто не позволено: слишком большие долги в этом грешном мире...

Как быстро всё меняется. Всего-то навсего четверть века назад, когда я был прыщавым юнцом, мир ещё был простым и понятным: рви пупок, зарабатывая бабки, и годам к сорока обязательно заработаешь на бессмертие. Все души умерших тогда улавливались единой сетью гиперловушек, и цена бессмертия была хотя и высокой, но стабильной. Благословенное было время! Тогда люди ещё и представить не могли, до какого хаоса докатится наша цивилизация... Нувориши, во время оргий отстреливающие случайных прохожих, благородно оплачивали им новые тела, владельцы которых потом сами выбирали пол, внешность и возраст, а в школы гладиаторов конкурсы были выше, чем в лучшие университеты. А какие были бои без правил! Я потом годами хранил лучшие записи.

Так было до тех пор, пока не начали продаваться частные переносные ловушки, и теперь не что-нибудь, а бессмертные человеческие души могли принадлежать кому угодно: правительству, армии, мафии, корпорациям, частным лицам... Людей начали просто отстреливать на улицах, а потом распряжаться ими по своему усмотрению. Сегодня уже если ты

не господин, то обязательно раб. Древние историки, считавшие, что рабство себя изжило, давно вертятся в гробах!

А чем заставляют заниматься рабов? Конечно, развлечением хозяев! Я вот, например, в последнее время участвовал в телешоу под названием «Любовь к смерти»: в этом соревновании побеждал тот, кто умрёт первым: что-то типа конкурса самоубийц, где оценивается скорость и зрелищность смерти. Ну не изврат ли? Господи, если ты существуешь, скажи: куда катится наш мир?

Впрочем, что-то я разнылся, так и не начав рассказ, ради которого сел писать. Этот рассказ о любви. Не спешите смеяться: я и сам думал, что в нашем долбаном обществе, где пол и возраст давно перестали быть стабильными составляющими жизни, кто-то ещё способен на это древнее чувство. Убедился сам, о чём и расскажу.

Начну с того, что в последнее время я работаю духом. Да, самая модная сейчас приколка, потому что не всякому даётся погружаться надолго в кому и висеть между жизнью и смертью. Говорят, я из лучших: могу едва ли не сутками, абсолютно никем не видимый, виться среди людей. Будь моим хозяином госструктура – стал бы первостатейным шпионом. Но мой босс – полный придурок: свой талант я использую для того, чтобы подглядывать за самыми примитивными половыми актами, которые потом он транслирует по 534-му каналу. Постоянно требующая «свежачка», убитая за секс аудитория, небольшой, но стабильный доход... Фигня, коро-

че... Впрочем познавательного: еще до эпохи рабства, когда я работал оператором проекта «Замочная скважина», думал, что чем-либо удивить меня невозможно. Но за закрытыми дверями, оказывается, некоторые такое выделывают... Да вы и сами, наверное, видели, если смотрите наш канал: сейчас я тут не рекламную статейку кропаю, в конце-то концов...

В общем, история эта началась для меня абсолютно банально: медикаментозная кома и – сутки свободного поиска, после которого мне предстояло стандартное выведение всего увиденного на монитор, участие в монтаже – потом трое суток отдыха...

Кстати, все думают, что духи-профи типа меня заранее продумывают: вот сегодня будет зоопарк, потом сауна премьер-министра, потом... Ничего подобного: я потому и слышу «профи», что никогда ничего не планирую заранее. Доверять надо инстинктам-то!

Поэтому не могу сказать, чем именно меня привлекла эта девочка. Просто шла себе по улице. Лет пятнадцать-шестнадцать. Не красавица, не уродка, разве что в лице что-то асимметричное, но при этом придающее шарм, да, пожалуй, несколько старомодная одежда: коротенькая юбочка в клетку, пиджачок и длинные белые гольфички, заканчивающиеся кедами. Да мало ли как сегодня одеваются... За модой, как известно, не угонишься, даже если очень сильно будешь стараться. Единственное, что, пожалуй, было необычным – какая-то удивительно сосредоточенная мина на юном личи-

ке. Я еще подумал: может живая бомба – мало ли чего там наши биологи напридумывали... В общем, тормознул я и пристроился витать неподалеку: вдруг не обманет предчувствие?

И представьте, предчувствие не обмануло, даже насчет «живой бомбы» – ну, в каком-то смысле... Эта пигалица, стрельнув, как снайпер, глазами по уличной толпе, уже через пару минут обрабатывала какого-то хлыща с длинной рыжей косичкой. Я даже и опомниться не успел, как они уединились в его «Олдсмобиле». Готов поклясться: она ему при этом и слова-то не сказала. Я, конечно, за ними, а он уже в боевой стойке: еще бы немного и нашим зрителям вместо пристойного порно пришлось бы наблюдать только то, как застегивается его ширинка. Я даже подумал: может на смену скоростным самоубийцам пришли скоростные нимфоманки?

Пристраиваюсь совсем близко, чтобы взять крупный план, и вижу, как ее смазливое личико кривится от боли, аж губку нижнюю закусил, а из под рабочего аппарата этого дятла вытекает кровь. Вот это уже интересно: раз эта пава – девственница, значит только-только в новом теле, а это уже что-нибудь да значит. Надеюсь, она сейчас не начнет тридцатидвухзубо улыбаться во встроенную куда-нибудь в крышу «мобиля» камеру, рекламируя самонадевающиеся за три сотых доли секунды презики со вкусом настоящей спермы?!!

Ничего такого. Вылезает из-под этого хлыща, встряхивается, как кошка, случайно попавшая в лужу, и идет себе даль-

ше. Парню – ни спасибо, ни насрать, у него аж челюсть чуть набок не съехала. У меня, слава Богу, никаких челюстей в этом обличье нет, и ничего не вывихивается, поэтому я лечу за ней дальше, и интерес мой к этой особе, понятно, только возрастает. А она снова – каким то чутьем выхватывает из пестрого разнообразья особей себе мужчинку и снова без слов (на этот раз заявляю ответственно) за пять сек раскручивает его на секс. Этот – импозантный дядька в круглых очках – не иначе, как большой оригинал. И уединяется она с ним не где-нибудь, а в будке с компьютерным терминалом. Я успеваю разглядеть глаза этой жертвы, которые стали почти такими же круглыми, как стёкла его очков, когда эта всадница его оседлала в замысловатой позе.

Боже мой! Неужели это какой-то новый вид соревнования?

Всё так же молча и без устали эта маньячка продолжает свою работу с таким упорством, будто имеет цель перетрахать все население пятнадцатимиллионного мегаполиса. И при этом – готов поклясться! – ей больно и неприятно этим заниматься.

Между тем наша пава, явно недовольная достигнутым результатом, идёт в сауну и устраивает в мужском отделении настоящую оргию. Меня потрясает слаженность и организованность того, как она это проделывает, а также полное её молчание, которое навеивает какое-то подозрение.

... Часа через три, когда за спиной этой воительницы бас-

сейн, парикмахерский салон и боулинг-клуб, я начинаю подозревать, что передо мной биоробот: ни отдыха, ни глотка воды, ни заметных признаков усталости на личике. Такого просто не бывает.

Впрочем, еще через полчаса я понимаю, что ошибался. После спаринга с тремя культуристами с садистскими замашками на её шее розовеет пятно, которое вскоре обещает стать синяком, а походка становится как у древних кавалеристов. Если я хоть что-то в этом понимаю, у неё уже должны быть внутренние травмы. Она позволяет себе на несколько минут присесть на лавочку... но только для того, чтобы к ней сам подскочил какой-то ловелас, замечу в скобках – совершенно отвратительной наружности. Цепкой ручонкой она ощупывает его промежность и, видимо удовлетворившись результатом, выхватывает его оружие и впивается в него губами. Он ошарашен и по-моему не прочь удрать, но она, судя по всему, вцепилась крепко и отпускать добычу не намерена. Собирается небольшая толпа, из которой слышатся одобрительные выкрики. Кончается всё тем, что ловелас повержен и позорно бежал, а наша красавица в ответ на чей-то насмешливый выкрик из толпы приманивает смельчака указательным пальчиком и повторяет операцию. Подобное продолжается еще около часа. Наконец приходит полисмен и... через минуту попадает в число пострадавших: мне остается только гадать, чем это может закончиться...

Вечер. Она лежит на полу солдатской казармы абсолютно

обнаженная. Солдаты дисциплинированно выстраиваются в очередь, а перед каждым новым половым актом промеж разведённых ног плескают водой из ведра. На то, что там, между ног, у неё находится, я лично давно уже смотреть не могу: больше всего это напоминает свежий фарш, сочащийся кровью. По-моему, она без сознания, и я всерьез подумываю о том, не вернуться ли мне в моё тело, чтобы вызвать врачей. Но, конечно, не делаю этого: мой босс никогда не простит, если я не прослежу это тело до самого морга.

Незадолго до рассвета нечто, утром еще бывшее человеческим телом, за ногу волочат куда-то из казармы. Голова деревянно постукивает по полу. Солдатики, по-моему, совещаются: жива или нет объект их ночной страсти. Объект издает слабый стон, а совещание, которое возглавляет теперь уже какое-то мелкое воинское начальство, постановляет вывезти этот мусор за пределы части. Мусор лежит в канаве и не шевелится. Я какое-то время наблюдаю за ним, и, уже приняв решение вернуться в тело, почему-то медлю. Потом, наконец, вспоминаю: вот-вот и минут ровно сутки с момента нашей встречи – и решаю немного подождать.

И вновь оказываюсь прав. Через несколько минут подъезжает нечто сверкающее, габаритами напоминающее средних размеров танк. Тело забрасывают внутрь, и уже там мягко и гуманно лишают жизни. Миниатюрная, сработанная под зажигалку, ловушка с чмоканьем заглатывает душу.

Моё время тоже на исходе, но я теперь просто не могу

бросить это дело. Тело и морг меня теперь, естественно, уже не волнуют, но вот что будет с этой зажигалочкой – точно уже тянет на миллион наличными и эксклюзивный показ на всех центральных каналах. При хорошем раскладе могу даже выбраться из рабства.

...

Новое тело павы оказалось небритым мужиком лет под тридцать, вылезшим из кабинки клонатора. Готов поклясться, что это – настоящий прототип этой души. Мне даже показалось, что я узнал этот сосредоточенный взгляд, который вчера наблюдал целый день. Участливые лица клон-операторов он грубо распихал и рванулся куда-то. Как оказалось – к соседней кабинке, откуда выплыло тело вчерашней нимфоманки, но с другими глазами: глазами настоящей девчонки, которой едва исполнилось пятнадцать. Этот мужик в едва накинутом на голое тело стерильном халатике кружил, поднявши на руки это тело, и всё что-то шептал в её розовое ушко.

Уж извините, я не стал подслушивать.

Про китайцев

Не я один – мы все волновались. Ещё бы: за триста лет нашего отсутствия на Земле могло произойти всё, что угодно: от атомной войны до нового ледникового периода. Конечно, открытие нами кислородной планеты, пригодной для жизни, делало нас героями почти при любом раскладе. Но всё-таки...

Я сидел в своей капитанской каюте и нервно курил сигарету: чёрт их знает, может на Земле эта вот сигарета сейчас уже считается опасным наркотиком?

Вызвал штурмана. Спросил:

– Удалось связаться с Байконуром?

– Все ок, капитан. Ждут не дождутся. Чего сам-то на связь не выйдешь?

– Веришь-нет, волнуюсь, Виталька.

– Верю, но ты это дело брось.

– Слушаюсь! – ответил я с улыбкой. – Давай сеанс связи.

...Нас встречала огромная толпа с букетами цветов. Вокруг роями летали какие-то насекомые.

– Это видеокамеры, – шепнул мне штурман, – так что сделай лицо попроще.

– Ты откуда знаешь? – спросил я.

– Подключился к информационному полю, поползал там немного. Третьей мировой не было.

– Утешил, – буркнул я.

И спросил:

– А почему одни китайцы кругом?

Тот внимательно посмотрел на окружавшую нас толпу, только что заметив то же, что и я: в ней явно преобладали представители этой расы.

– Н-не знаю.

– Вот и выясни. А мне сейчас придется общаться с Президентом.

...Президент оказался пожилым желтолицым человечком с характерным разрезом глаз. Выслушивая поздравления, я мрачнел с каждой минутой. Мне представлялось, как орды китайцев штурмуют границы и вырезают мирное население окрестных стран. Я явственно видел, как сгоняются в концлагеря русские и евреи, немцы и негры... Меня мутило от дурных предчувствий.

Не выдержал и заявил одному из сопровождающих, вившихся вокруг:

– Извините, устал. Нельзя ли отдохнуть в гостинице?

Тот о чем-то пошептался с другими и милостиво разрешил, напомнив, что завтра у меня две пресс-конференции и визиты в пять стран. Я только вздохнул: подобное внимание для космических путешественников хуже метеоритного

дождя.

...В номере я первым делом вызвал штурмана.

– Ну что, Виталя? Узнал?

Лицо его в видеофоне было слегка искажённым. А может он просто морщился?

– Жди, кэп. Через десять минут всё объясню. С глазу на глаз.

Эти минуты показались мне вечностью, несмотря на виски и сигареты, которые мне были разрешены как почетному гостю.

...Штурман выглядел немного смущённым. Начал изда-лека:

– Скрывают информацию, гады! Еле допёр, что к чему.

– Выкладывай, чёрт побери! – не сдержался я.

Он, кажется, понял, что я на взводе, но тон не сменил. По-прежнему смущенно спросил:

– Ты помнишь, перед нашим отлетом рекламировали китайских киборгов? Ну это: «Лучший слуга – электронный китаец» по всем каналам?

– Ну и?

– Вот те и «ну»! Оказалось, что они для экономии вместо электронных киборгов продавали настоящих китайцев. Решили там у себя это на государственном уровне и потом провернули аферу мирового масштаба.

– И она не вскрылась?

– Вскрылась. Но к тому времени они продали уже полмиллиарда.

– А потом?

– А потом они начали размножаться.

Вечером мы сидели с Виталькой в баре пьяные почти до бесчувствия, уже с трудом ворочая непослушными языками.

– Слышь, друган, – говорил я ему. – Надо это... Создать русскую диаспору.

– Н-не выйдет, кэп, – мотал тот с сожалением головой. – У них тут... это... законы против национализма. Посодють!

– Тогда это... Детей делать нашим бабам. Это-то ведь не запрещено? Официант! Ещё водки!

Подбежал расторопный молодой китаец, вытащил из ведёрка со льдом бутылку водки. Улыбнулся и вновь убежал.

Я провожал его взглядом до тех пор, пока тот не скрылся за стойкой. И тут мой взгляд упёрся в китайского старца, потягивающего что-то из большой пиалы.

– Будем детей делать нашим бабам! – сказал я ему громко.

Виталья дёрнул меня за рукав, но было уже поздно: тот прекрасно слышал, что я сказал. Он поднял своё морщинистое лицо и, спокойно посмотрев на нас, сказал с презрением:

– Вы не уметь делать детей. Мы уметь!

И отвернулся.

Ночная русалочья

*Они легли. Блимунда была девственна.
Сколько тебе лет, спросил Балтазар,
и Блимунда ответила, Девятнадцать,
и тут же стала гораздо старше.*
Жозе Сарамаго «Воспоминания о монастыре»

Вечер, но ещё светло. Однако здесь, возле полуразрушенного дома, уже ночь, словно своей тенью дом нарушает какие-то запреты. Темно и сыро, несмотря на ветер. Что-то в этой темноте есть такое, что заставляет убыстрять шаги, когда проходишь мимо этого места, и желательно потом не вспоминать, почему. Сегодня же, напротив – меня туда почему-то тянет, есть что-то в этом противоестественное.

Подхожу ближе и вдруг чувствую: часы скатываются с запястья и падают в начинающую желтеть высокую траву. Инстинктивно я нагибаюсь, чтобы их поднять, и действительно вижу часы – но не свои, а чужие: простенькие, китайские, на пластмассовом браслетике. Я шарю рядом и вижу еще одни: на этот раз браслет металлический, но это тоже дешёвка. Присматриваюсь – и вижу ещё и ещё. Всего через несколько минут у меня в руке их уже целая горсть, причем, собирая их, я неотвратимо приближаюсь к этому тёмному дому.

Дверь не просто заперта – она вросла в землю вместе с домом, даже не дотрагиваясь до неё, можно понять, что её не

открывали много лет. Сразу над дверью, совсем невысоко, чердак, с края которого свисает ещё несколько блестящих браслетов. Конечно же я тянусь за ними, но всё же немного не достаю – приходится залезать, используя ржавую ручку двери как упор для правой ноги.

Там, на чердаке – снова браслеты. Я разглядываю добычу: часы все электронные (так же, как и мои), но моих среди них нет. В глубине поблёскивает еще несколько. Может быть мои – там? Мысль, конечно, абсурдная, но тогда она мне таковой не казалась. Тянусь за ними – и вдруг слышу голоса, которые раздаются откуда-то снизу. Я понимаю: здесь, в этом доме, живут какие-то люди. Они обязательно подумают, что я за ними подглядывал. А ещё они подумают, что я украл их часы. И это не те люди, которым объяснишь, что я не хотел красть чужие часы – я всего лишь хотел найти свои: они тоже не бог весть что, но всегда мне нравились.

В это время звук голосов приближается, и я вижу источник света: он пробивается из слегка приоткрытого люка в полу. В другое время я обязательно полюбопытствовал бы – что это там, но сейчас меня охватывает ужас настолько всепоглощающий, что и в мыслях ничего такого нет.

Следующее, что помню: бегу, не оглядываясь, по темнеющим улицам и сжимаю в руке целую горсть этих дрянных электронных часов, при этом понимаю, что главной моей ошибкой было даже не то, что я их взял – нет! – ошибкой было то, что я так и не смог найти свои, а на них мой запах,

часть моей кожи и пота. Они ПАХНУТ мной, и с их помощью меня найдут, как бы я ни скрывался. Это, правда, не мешает мне бежать как можно быстрее, постоянно поворачивая и путая следы – состояния безнадежности пока ещё нет.

Оно появляется только тогда, когда я, наконец, уверившись в своей безопасности, останавливаюсь и смотрю назад. За мной не спеша идут четверо, и я понимаю – они те самые, из заброшенного дома. Все четверо высокие – как минимум на голову выше меня, и у всех четверых светлые, прямые волосы, спадающие им на плечи. Все они одеты в голубые джинсовые костюмы с рубашками навыпуск, на ногах – остроносые ботинки, начищенные так, что блестят в лунном свете. Они улыбаются своими красивыми зубами и производят впечатление парней очень стильных и современных. Улыбки эти могли бы показаться кому-то милыми. Кому-то, но не мне, потому что я-то точно знаю, что это улыбки убийц, не знающих жалости.

Несколько секунд я смотрю на них заворуженно, не в силах двинуться, но каким-то невероятным усилием воли отвожу взгляд. Он падает на здание, вывеска которого горит бледно-фиолетовым неонам. Тяну на себя дверь, поскользываюсь и бегу куда-то вверх по лестнице, которая, кажется, начинается сразу, как только открываешь дверь. Кажется, что она выложена паркетом, натертым воском, – такая скользкая, что если б не перила, по ней невозможно было бы подняться. Прямая, она неожиданно становится витой и никак не кон-

чается. Мне почему-то кажется, что такие лестницы бывают только в старинных дворянских особняках – тем больше шок, когда я с размаху влетаю в стеклянные вращающиеся двери и оказываюсь в современном ресторане из пластика, стекла и стали. Справа и вдоль – барная стойка тёмного дерева, из-за которой выглядывает бородатое лицо в смешной шапочке. Человечек этот настолько невысок, что не видно даже подбородка, а шапочка на нём столь нелепа, что впору бы прыснуть со смеху в подходящем настроении, но настроение у меня совсем не то, да и лицо человечка совсем не располагает к смеху: глаза чёрные, блестящие как бусины, при этом круглые и немигающие; рот раззявлен и из него торчит неровно растущий зуб, то и дело облизываемый языком – кажется, что он мерцает. Я перевожу взгляд на круглые вращающиеся стулья возле бара и вижу, что все они, кроме одного, свободны. А на занятом сидит женщина в кожаной юбке – такой короткой, что и юбкой-то её назвать нельзя, скорее широкий пояс. Она сидит ко мне спиной вполоборота и мне видна её правая ягодица и ляжка: и то, и другое столь невообразимых размеров, что свисают со стула вниз под влиянием силы тяжести и похожи на желе. Ягодица вдруг уплывает назад, а вместо ляжки я вижу колено в складках жира, а потом и другое. Чувствую, что где-то между этих колен должен быть промежуток – но его не видно: кажется, что это какая-то единая биомасса; а вот выше пояса – на удивление небольшой, аккуратный бюст, обтянутый чем-то блестящим;

а выше – глаза, причем такие, что обо всём прочем уже не помнишь – серые, огромные и такие грустные, будто уже постигли все беды человеческие – в том числе и твою личную беду, в таких глазах можно тонуть не то что часами – годами... Но я слышу сзади какой-то звук и продолжаю движение, хотя эти глаза меня преследуют еще долго: мне хочется повернуться и взглянуть на них ещё разок, а лучше сесть рядом, заказать что-нибудь покрепче и плавать в них целую вечность, сколько бы её ни осталось.

Почти не глядя я пробираюсь вперёд и едва не падаю, потому что пол подо мной двигается. Инстинктивно шарахаюсь в сторону, но вовремя останавливаюсь: это всего-навсего эскалатор, который медленно, но неотвратно везет меня вперед и вверх.

Спрыгиваю с бегущей ленты только потому, что вижу зелёный цвет: такой, какой бывает только у бильярдных и рулеточных столов. Я знаю – там, где один из таких столов, обязательно много людей – а это то, что мне сейчас нужно. Однако я ошибаюсь – людей там нет, как, впрочем, и столов – по крайней мере, таких, каких я ждал: зелёным сукном покрыт пол небольшой комнаты. Кажется, я догадался: это ресторанный зал, стилизованный под болото – потому что кое-где из него торчат невысокие столики в виде бугорков. За одним из них полулежит в позе русалки, помахивая (хвостом?) очень милая девушка со светлыми волосами, которые волнами спадают вниз, и конца им не видно. Она смотрит мне

прямо в глаза: зрачки у нее карие, они весело поблёскивают – мне кажется, поблёскивают приглашающе. Я давно уже никому не верю, а особенно в такую ночь, как эта – но такие глаза врать не умеют, либо умеют врать так хорошо, что это уже за гранью лжи, а значит уже правда. В таких глазах не утонешь и даже не отразишься, но зато поверишь им, да так надолго, насколько им достанет силы смотреть на тебя, а может и после этого тоже. Я сажусь за её столик, имитирующий кочку, прямо на пол, и растворяюсь в таком уюте, будто попал к огню очага после блуждания в зимнем лесу. Кажется, что мы знакомы всю жизнь и столько раз говорили обо всем на свете, что уже и говорить ни о чём не нужно.

Русалка опускает глаза, и я понимаю, что она смотрит на охапку наручных часов, которую я всё ещё судорожно сжимаю в руке.

– Первый раз вижу столько часов, – говорит она, и голос её льётся, словно вино из бокала. – И что, они все ходят?

Я киваю:

– Только по-разному.

– Как же ты определяешь время?

– Как все – по солнцу, они нужны не для этого.

– А для чего же?

– Как память. Некоторые – память о глупости, другие – о дружбе, третьи – о любви.

– Как интересно! Хочешь мои тоже?

Она протягивает руку, на которой отливают платиной

изящный браслет с миниатюрным циферблатом.

Я невольно беру её за запястье и разглядываю эти часы. Она улыбается немного смущённо:

– Я их ни разу не снимала. Не получается, может быть, ты снимешь?

– А нужно?

– Я как тебя увидела, сразу поняла – нужно тебе их подарить.

– Хорошо, но я в ответ подарю тебе свои.

Я аккуратно расстегиваю браслет. Он поддается тяжело: видимо действительно ни разу не снимался с тех пор, как был защелкнут на запястье. Наконец они, поблёскивая, падают мне в ладонь. И тут я понимаю, что вся эта гора часов у меня в руке не подходит для ответного подарка, а моих среди них нет, они остались где-то там, в траве, у заброшенного дома. Какая невосполнимая оплошность!

Я целую руку с отпечатком браслета и шепчу:

– Скоро вернусь!

Бегу дальше, и часы в руке, тяжелея с каждым шагом, сейчас напоминают мне маски, которые мы на себя надеваем: за их слоем погребено где-то на дне наше настоящее лицо. Я счастливее других, потому что хотя бы знаю, где его искать. И ещё я знаю, что нужно делать с найденными часами: их нужно раскидать снова там, в траве – может быть, они прорастут и станут чьим-то временем, может быть, и нет – это не важно, важно, что их место там, а не где-то ещё.

Я ищу выход на улицу, но вместо него попадаю в другой ресторан – там со специальных столиков кормят собак и на меня смотрят с удивлением. Пол там почему-то тоже очень скользкий – может быть от экскрементов, я пытаюсь развернуться, но ноги разъезжаются в стороны. С трудом, широко расставив ноги, я поворачиваюсь к двери, чтобы выйти, но в это время откуда-то из углов появляются двое светловолосых, хватают меня подмышки и уверенно тащат куда-то спиной вперед. В конце зала я чувствую в затылке боль от удара и перестаю что-либо видеть.

Стен комнаты не видно – только пятно красного ковра, на котором я сижу. Двое по-прежнему поддерживают меня с боков, но на этот раз они смотрят в ту же сторону, что и я: там стоят всё те же светловолосые, тоже двое. Стоят и очень стильно улыбаются – будто их снимают в рекламном ролике. Где-то посередине, между мной и ими, лежит золотой грудой целая куча часов, и в этом освещении они кажутся сокровищем, хотя это не так.

Я пытаюсь что-то сказать, но губы разжимаются с огромным трудом, а язык кажется таким огромным, что кажется – сейчас вывалится изо рта.

Один из улыбающихся поднимает руку, и тут я замечаю, что ковёр имеет форму пентаграммы. И вижу я его почему-то сверху. И вижу себя, который каким-то образом дотягивается правой рукой до груди и с удивлением вытаскивает из неё пучок из пяти стрел, словно связанных воедино, стрел

таких маленьких, что они напоминают швейные иглы.

Только тут я чувствую боль и возвращаюсь в свое тело, но сбоку светловолосый шипит, чтоб я не дергался, если хочу остаться жив. Предупреждение это излишне: держат меня так крепко, что невозможно пошевелиться.

Мысль постоянно возвращается к увиденным мной стрелам, похожим на иглы: что-то они означают. Откуда-то я должен помнить – что, но не помню. А ещё – этот шипящий голос: как будто призванный ободрить, а не испугать.

В эту секунду чувствую, что в грудь входят новые пучки игл – их так много, что они её покрывают целиком, ощеривая меня ежом ко всему окружающему миру: ощущение такое, что в грудную полость влетело раскалённое пушечное ядро.

Ещё долю секунды рассматриваю сверху свое распростёртое тело, прежде чем осознаю, что оно мертво.

Ковёр, образующий пентаграмму, становится расплывчатым, дольше всего видно, как поблёскивает в его центре кучка часов, словно чешуйка на хвосте русалки, словно браслетик на её запястье.

Девушки и уши

Уши у этой истории очень длинные...

Алла и Клара – две сестры-близняшки – были очень красивы, но этого никто не замечал. Причина – в их ушах.

– Как будто великолепный мастер, лепивший нас, устал и присел отдохнуть, доверив завершить работу неумехе-подмастерью, – говорила Алла.

– Уши ему оторвать, тому подмастерью! – поддерживала ее Клара.

И обе вздыхали.

Надо признать, было из-за чего: их лица, столь прекрасные в профиль, в фас уродовали длинные, бесформенные лопухи. У Аллы – чуть большего размера, за что её в школе прозвали “Большие уши”. Клару величали “Малые уши”, но ей от этого было ничуть не легче: они все равно куда больше обычных.

И хорошо бы, если бы их головы венчали “благородные эльфийские удлиненные”, как фильме про Властелина Колец, так ведь нет: лопухи они и есть лопухи...

Со временем, когда они стали девушками, то научились маскировать свой природный изъян волосами, но комплексы остались.

Как и особенное отношение к ушам вообще.

Особенность эта заключалась в том, что при оценке других людей Алла и Клара пользовались одним-единственным критерием: их ушами.

– Этот лаптем море выхлебает, – говорила, бывало, Алла, разглядывая мощные ушные раковины какого-нибудь прохожего, и Клара только кивала: “Локаторы на пять!”. И посторонним было непонятно: восхищаются они слуховыми приборами, дарованными природой этому человеку, или высказывают неодобрение...

Если верить сонникам, увидеть во сне чьи-то уши – это предупреждение: кто-то будет придирчиво выслушивать каждое ваше суждение, стремясь найти повод для того, чтобы вас оскорбить. Близняшки видели самые разные уши в своих снах постоянно, и сонники не читали.

Если верить науке, уши мы используем не только для слуха, но и для равновесия. И правда: нашлись такие уши, которые лишили наших девушек равновесия. Обоих сразу.

Лёха – молодой человек, которому они принадлежали, не представлял из себя ничего особенного с общепринятой точки зрения: светловолосый, роста среднего, слегка прыщав, не очень умён, но самонадеян... в общем, обычный семнадцатилетний парень. Но для парочки наших красавиц, которым тоже к тому времени исполнилось по семнадцать, он сразу стал предметом обожания.

– Боже, – воскликнула Алла, глядя на его ушные раковины, – я хочу от него дочку!

– Ты разглядела барабанную полость? Ты видела, какой там лабиринт? – поддержала её сестра. – И заметь: не уродует эту красоту наушником.

(Они обе терпеть не могли плееры).

В общем, Лёха и опомниться не успел, как был “взят в оборот”. Нисколько не смущенный от счастья, привалившего на его юную голову, он старался ухаживать, как мог... вот только никак не удавалось ему сообразить, за кем же из прекрасных сестер он ухаживает: как мы уже говорили, единственное их отличие было в длине ушей, но в такие интимные подробности Алла и Клара парня, конечно, не посвящали... Кончилось это тем, чем и должно было кончиться: беременностью обеих.

Они были этим вполне счастливы, Лёха – в шоке.

Незадолго до родов (как водится, сроки у них были одинаковые), Лёхин шок плавно перешел в панику, которая привела его в единственное место, где молодой человек может вполне законно решить с помощью государства навалившиеся на него проблемы: в военкомат.

Когда девушки рожали, молодой папаша вполне успешно проходил “учебку”, старательными каракулями выводя ответы на их нежные письма, когда кормили дочек (обе родили дочек!) – он попал в Чечню, а когда дочкам исполнился год, пропал без вести.

У юных девушек, даже если это молодые мамы, природная прагматичность всегда соседствует с авантюризмом, присутствующим возрасту.

Алла, нянчившая маленькую Клару (ушки у девочки были просто превосходными), заявила:

– Я поеду в Грозный.

Клара, любовавшаяся не менее прекрасными ушками своей маленькой Аллы, поддержала её:

– И я поеду в Грозный. Такие уши не должны пропадать!

И обе они принялись вспоминать прекрасные Лёхины уши: маленькие, нежные. Правое (по договоренности – Аллино) – с красивым узором родинок возле мочки, и левое (соответственно Кларино) с родимым пятнышком в глубине ушной раковины.

...Их мама – ещё молодая и красивая женщина (уши ее говорили о твердом характере владелицы) пришла в ужас от решения дочерей и нашла много очень веских аргументов “против”.

– Вдвоём не сорваться, – констатировала потом Алла.

– Будем тянуть жребий, – вздохнула Клара.

И ехать выпало именно ей.

* * *

“Волосатые уши дагестанцев внушают мне ужас, – писа-

ла она сестре из Моздока, – а немытые раковины генерала Ключева – это просто кошмар какой-то!”.

Алла тайком утирала набежавшие слезы.

... Чеченский бригадный командир Асланбек Мухоев, герой Первой Чеченской, был молодой, наглый. Подбородок он не брил, зато брил голову. Других моральных устоев кроме “чести чеченского мужчины” не имел. Был жесток, любил деньги и хорошую еду. Врагам внушал ужас, друзьям – почтение. А вот Кларе он внушил любовь с первого взгляда: увидев его мужественные уши, она бесстрашно подошла к нему и сказала без всяких экивоков: “Рожу тебе сына!”.

Тот был удивлён, но не протестовал. Свое ближайшее окружение, считавшее Клару “шпионкой”, приструнил, а к ней приставил телохранителя из самых преданных.

О Лёхе она и думать забыла.

А спустя пару месяцев, когда плод в её чреве уже потихоньку наливался яблочком, она как-то спросила нежным голоском у безмерно уставшего, но настроенного благодушно, Асланбека:

– Правда, что ты собираешь ожерелье из ушей своих врагов?

– Правда, – ответил тот. – Но это не твоё дело, женщина!

И в тот же миг она заметила у него кроме великолепных ушей ещё ровно две вещи: связку ключей на поясе и бороду, отливавшую синевой.

Через полчаса, когда он захрапел, Клара подобрала нужный ключик к одному из шкафов и с замиранием сердца разглядывала ожерелье высохших и сморщенных ушных раковин. Большинство их внушали омерзение, некоторые были... любопытны, а одни... она не спутала бы ни с какими другими: на правом был красивый узор родинок возле мочки, а на левом – родимое пятнышко в глубине ушной раковины.

Некоторое время она размышляла, а потом начала действовать с поразительным хладнокровием. Чеченский кинжал ушел в горло Асланбека почти по рукоятку, а она в это время закрывала его уши руками, чтоб не забрызгались кровью. Когда он затих, она с хирургической точностью отделила их от головы бригадного командира и нанизала на кожаную полоску рядом с ушами Лёхи.

...О том, как она выбралась, слагались легенды.

Перед сестрой она отчиталась коротко: “Вывез человек с правильными ушами”. Той было этого вполне достаточно.

Как выяснилось позже, она допустила всего одну ошибку: родила от Асланбека девочку, а не мальчика.

Впрочем, эта девочка была достойна ушей своего отца. На удивление всем, она выбрала для себя военную карьеру и в Первую Марсианскую была удостоена Ордена Земли за мужество. Для себя с той войны она привезла мужа-полковника.

ка, а мамочкам – целую связку мохнатых инопланетных ушных раковин для коллекции.

Языковая система

– Слушай, Сень, а это тема!

– Ты серьёзно?

– Без базара, старик!

Сеня просто расцвёл, разгладил, разделив на две половины, окладистую рыжую с проседью бороду.

Скромно добавил:

– Немножко совершенствоваться надо...

Доморощенный Кулибин любовно погладил свое детище: гибрид «железной маски» с небольшим пылесосом. Агрегат тут же откликнулся на ласку: высунул розовый, длинный, на конце немного раздвоенный язык.

– А зачем он раздвоенный? – уточнил я.

Сеня густо покраснел:

– Ну это... Маньке так больше понравилось... в результате испытаний.

На секунду я онемел.

– Так это... это для нее?

Сеня покраснел ещё гуще:

– Так это... Ну, в общем, ты ж знаешь: моложе она меня на двадцать годков. Ей эти... как их там... кунилингусы подавай. А я, понимаешь, ну... это. Не любитель таких фокусов. Так вот, чтоб к молодым не бегала...

Ошарашенно я спросил:

– Погоди, погоди, Сень, а как же это... Он же говорит на пятнадцати языках... Коран может истолковывать и ещё это... как его...

– Тссс! – Сенья подмигнул заговорщически, – Это для отвода глаз. В языке это не главное.

Манька подтвердила.

Спинка

Спинка подломилась. Я оказался на полу, и перед моими глазами были не только световые круги, характерные для легкого сотрясения, но и офигительно длинные ноги.

Потом (уже некоторое время спустя) спинка подломилась у неё, и её ноги оказались не только замечательно длинными, но и... В общем, не суть.

Тут дело в другом: когда я, уже закончив пертурбации с ногами, нежно гладил шелковистые нежные волосы на её спинке, мой взгляд упал...

Да... забыл рассказать: происходило всё это у нее дома, на замечательно мягком диване, но мне (до поры до времени) было не до разглядывания обстановки: другим был занят, а тут вот разглядел.

– Что ЭТО, Фифочка? – спросил я у неё, вне себя от изумления, показывая в угол комнаты.

– М-рр, – ответила она, – не отвлекайся, дорогой.

Но я настаивал. Она взглянула и пояснила недоуменно:

– Ну, кресло.

– Сам вижу, что кресло. Но его СПИНКА!

Нет, спутать это кресло было невозможно: оно было единственное в своем роде, можно сказать самый загадочный артефакт нашего времени, ни больше ни меньше!

– Но это же кресло капитана Звезданутого!

* * *

Если есть в наше время герой, сравнимый по популярности с Гагариным, то это он – капитан Звезданутый. Человек, не только решившийся в одиночку бросить вызов армаде космических кораблей Пришельцев, но и победивший их! Герой Земли под номером Один! Гастелло мирового масштаба!

Впрочем, про капитана Звезданутого все знают: он на своем корабле ворвался в центр армады кораблей противника, аннигилировался вместе с ними и спас Землю. Но я вовсе не хочу тут трепать и без того всем известные исторические факты, речь о его кресле, ставшем легендой.

Как известно, у Звезданутого на Земле были враги – из своих, из людей, которые считали его методы слишком жёсткими. Незадолго до его героического десанта они, пытаясь устранить бесстрашного капитана, сломали ему позвоночник в пяти местах. Но герой сделал для себя на заказ особое кресло, на спинке которого были крепления, позволявшие ему – инвалиду – управлять огромным космическим кораблём.

После его подвига, когда он аннигилировал себя и врагов, по слухам, пропало всё... кроме этого кресла, которое вдруг начало появляться в самых неожиданных местах: то в Пре-

зидентском дворце, то посреди лужайки у Белого дома, то в джунглях Колумбии... Узнавали его по необычной спинке, голографическое фото которой вошло во все сайты по истории... Впрочем, большинством (и мной тоже до недавнего времени) все эти рассказы об «исчезающем кресле» казались байками чистой воды... И тут на тебе!

...Я, признаться, и о Фифочке забыл, разглядывая спинку этого кресла с пятью фрагментальными захватами. Говорят, если сесть в него хотя бы на минутку, пока оно вновь не исчезло...

– Котик! – простонала в это время Фифочка.

Я только отмахнулся.

Так вот, если сесть в него хотя бы на минутку...

– Котик, ты совсем меня не слушаешь! – в ее голосе слышался укор, и она повернулась на спинку, показав свой животик и грудки, которые меня наверняка заинтересовали бы, если...

– погоди минутку!

Я вскочил.

– Куда ты? Иди ко мне! – она цепко ухватилась за меня разного рода конечностями: ее офигительно длинные ноги оказались очень сильными.

– Ну милая, пусти на минутку!

– Ни за что! Ты хочешь меня променять на какое-то там древнее кресло?!!

Уже не находя слов, я рванулся. Рванулся!

– Куда же ты?! – её голос стал плаксивым.

Но я уже бежал к нему, летел... Я видел его спинку, ещё секунда – и я буду в нём!

...Подсечка была сделана очень профессионально: если у каждого сокровища обязательно есть злобный демон, его охраняющий, то Фифочка среди этой братии – чемпион. Я приложился об пол головой, не добравшись до цели всего метр или около того. И тут оно начало таять, прямо на глазах!

Я взмолился:

– Секунду, всего секунду!

Ответ был категоричен:

– Ты меня не любишь!

А объятия – очень жарки.

Кресло растаяло в воздухе.

И как я её не прибил, а?

Мечты и реальность

Любовь, страсть, смерть, измена, интриги, убийства, ужасы, кошмары, неординарные ситуации – т.е. всё то, с чем в реальной повседневной жизни мы сталкиваемся не так уж и часто – именно об этом мы желаем читать вечером в порядке расслабления... Опыта это почему-то не добавляет, если действительно приходится с чем-то таким сталкиваться...

– В реальной жизни ничего не происходит!

– А что, собственно, должно происходить?

– Как что? Битвы, погони, приключения... Все то, о чем пишут в книгах. Как ни крути, наша реальная жизнь гораздо более серая и скучная.

– То есть, как это не происходит? Тебе это только кажется!

– Я чувствую себя в клетке: в жизни, казалось бы, такой наполненной ежедневными бедами и проблемами, на самом деле все серо и скучно!

– Даже так? Тогда первое: не читай больше художественных книг.

– Но почему?

– Каждая из них – реальность в себе. Причем реальность самостоятельная, не имеющая к нашей никакого отношения. На эти реальности у тебя просто нет времени.

Вот такой был разговор у Гришки «о жизни»... с самим собой. И ведь накаркал: в тот же день он встретил Странника.

* * *

Знакомство, которое сыграет немалую роль в этом повествовании, завязалось совершенно необыкновенно.

Гришка – молодой человек лет двадцати – возвращался домой в растрёпанных чувствах. Чувства эти были растрёпаны девушкой по имени Маша, которая буквально за несколько минут до этого наговорила ему целую кучу вещей, пагубно отразившихся на его самолюбии. Подробности можно опустить – любой из читателей может себе вообразить, что может сказать юная девушка молодому человеку, имей на то желание. Суть не в этом. Суть в том, что растрёпанные чувства Гришки лишили его некоторой осторожности, а потому по вечерней улице он шел спешно и ничего вокруг не видел. Не видел до тех пор, пока чья-то цепкая рука довольно-таки беспардонно не остановила его движение, ухватив за плечо.

Это действие, вернувшее Гришку к действительности, позволило ему увидеть все разом: ночную улицу, ещё мокрую от недавнего дождя брусчатку, луну, блёкло освещавшую тесный переулок, куда его занесло, ну и, конечно же, фигуру человека, его остановившего. Тут он многого заметить не успел – только плащ, отливавший синевой, и кусок

бледного лица под шляпой.

В подобные ситуации Гришке приходилось иногда попадать и раньше: могут окликнуть или вот так вот схватить за плечо, могут даже ударить без предупреждения: народ последнее время стал нервный, почти дикий. В другой раз он бы просто вырвался и пошёл дальше или мог бы даже ударить, не говоря ни слова, но в этот раз что-то его остановило: незнакомец не был похож ни на пьяного забулдыгу, ни на грабителя...

Неожиданно в его голове мелькнула догадка.

– Странник! – охнул он, заглянув в глаза незнакомцу.

Он не раз слышал о таких встречах, но никак не думал, что сам увидит одного из них. Сомнений почти не было: бледное лицо, характерный потухший взгляд: можно было предположить, что Странник появился совсем недавно и все еще не мог себя контролировать – такое случалось.

Гришка обхватил его за плечи и повёл домой.

...Когда утром Странник проснулся, Гришка уже был готов к его пробуждению: на столе стояла бутылка красного вина, сыр и черный хлеб. При свете незнакомец уже не казался бледным, да и взгляд уже не был тусклым, как раньше – глаза его поблёскивали.

Странник не спеша поднялся, осмотрелся, нашёл свои сапоги, надел, и, ни слова ни говоря, сел за стол. Понюхал сыр, пригубил вино. И только после этого поднял глаза на юношу.

А тому вдруг показалось, что его только что заметили. Он слегка покраснел, ему очень хотелось заговорить, но этикет на этот счет был строг: первым должен начать разговор гость.

– Здравствуй, юноша.

– Здравствуй... благородный Странник. Не удостоишь ли ты меня беседой, прежде чем продолжишь путь?

Незнакомец посмотрел в упор, во взгляде его промелькнуло уважение.

– Рад, что остались еще те, кто чтит обычаи...

Он ещё раз немного приложился к рюмке вина и продолжил:

– За гостеприимство я всегда плачу. Что ты хочешь: деньги, совет или помощь в каком-нибудь деле?

Гришка сглотнул слюну. Чувствовалось, что он готовился к этому разговору, но всё равно смущался.

– Я хочу совет.

Странник усмехнулся:

– Выбор разумный для юноши. Спрашивай.

Он снова посмотрел на Гришку в упор, пронзив взглядом угольно-черных глаз.

– Я долго думал, Странник, целую ночь, – лицо Гришки стало предельно сосредоточенным.

– Научи, как Машку трахнуть, а?

Про разборки с самим (самой) собой

То, что начинать лучше было сразу с водки, а не с пива, стало ясно еще накануне, когда по дороге домой, в машине, я чувствовал себя не человеком вовсе, а кулем с картошкой. И ладно бы вытошнило: полегче бы стало... Так ведь нет, организм мой проклятый самоочищаться отказался, оставив мне эту проблему на утро.

А утром... Боже мой! Голова раскалывалась на части. А попытавшись схватиться за лоб, я почувствовал, что он в запёкшейся корке крови. Неужели дрался? Почему не помню?! И тут же вспомнил: драться не дрался, зато, падая на диван, приложился лбом об угол стола! Ну за что такое наказание, а?

Впрочем, времени на размышление не было: приступ тошноты, миновавший вчера, сегодня настиг неотвратимо, как и само похмелье. Я пытался замереть, заснуть, превратиться в часть мебелировки... Бесполезно: только в ванную бежать пришлось с большей скоростью!

А у раковины меня ждало невесёлое открытие: вода, как горячая, так и холодная, отсутствовала. Я застонал: Пашка, оставивший меня в этой квартире, должен был вернуться как раз нынешним утром! В панике я притащил с кухни чайник и кое-как смыл следы преступления. И как раз в этот момент организм мой сделал следующий финт: потянул меня к «бе-

лому другу» с той же самой неотвратимой поспешностью. И тут уже было все равно: есть вода – нет воды, ну абсолютно все равно – не расстреляет же он меня, в конце-то концов!

И вот, сидя на унитазе с головной болью, разбитым лбом, и расспрашивая мысленно свой организм: «Ну как, родной? Хоть чуть-чуть тебе лучше?», я испытал шок. Шок настолько сильный, что даже про головную боль забыл. И про все забыл.

А вы бы не забыли?

В тупом онемении я смотрел меж своих ног... и не видел того, что должен был там видеть. И не чувствовал того, что должен был бы чувствовать при мочеиспускании. Батюшки святы! Неужто отрезали?!?!

* * *

Вместо моего лучшего друга, который хоть и доставлял временами мне хлопот своими неуёмными желаниями, была густая поросль светлых волос – и ВСЁ!

Аккуратно, будто я касался не своего собственного межножья, а трепетной плоти невинной девушки, я раздвинул поросль, и обнаружил... всё то, что я мог бы найти в аналогичном месте у любой из женщин. То есть ничего такого совсем уж мне незнакомого. Но ведь не меж собственных же ног!!!

Приказав организму заткнуться со всеми его телесными

порывами, я вскочил и галопом понёсся к зеркалу. В нем отразилась абсолютно мне незнакомая растрёпанная светловолосая девушка с кровоподтеком на лбу. Машинально я смыл кровь, и только тут обратил внимание: из-под майки самым что ни на есть неприличным образом свисали... две женские груди.

Я что-то сказал вслух. Дословно не припомню что, но явно совершенно непечатное. А потом, обхватив руками голову, поплелся к кровати, говоря себе: «Заснуть, немедленно заснуть! И проснуться как всегда – от эрекции!».

Сон, однако, никак не приходил. Эрекция, понятно, тоже. Зато голова стала немного свежее. Я стал старательно вспоминать вчерашний вечер, пытаюсь сообразить, где это меня так угораздило.

* * *

Начало помнилось совершенно отчетливо. Созвонился с Димой и договорился встретился с ним на Подоле, в «Домашней кухне».

...Там, в общем-то, неплохо сиделось, но курить нельзя. Когда мы вышли оттуда, Дима предложил выбор – идти направо в «Деревяху» (она ближе) или налево в «Луизу» (там дешевле). Как настоящий джигит, я, конечно, выбрал «налево». Ну, мы и пошли.

И вот там я совершил ту самую, фатальную ошибку: на предложение Димы «выпить водовки», сказал: «Я лучше пиво». А после пива, понятно, была и «водовка», и компания («Луиза» оказалась стандартным местом диспозиции Диминых друзей). А потом бильярд, анекдоты про москалей (к которым меня тут же причислили) и странный напиток под названием «Самбука», про который помню только то, что он горит...

В общем, за полночь я ехал домой (то бишь к Паше), сидя на переднем сиденье машины никакой, то есть ника-ку-сень-кий. Просил девушку-водителя (Откуда она взялась? Вот бы вспомнить!) сделать музыку громче и пытался снимать движущуюся ленту улиц фотоаппаратом в режиме «Ночной съемки».

В общем, пьянка, и пьянка... Хотя...

Вспомнил! Вспомнил, где я видел девичье лицо, которое узрел сегодня в зеркале. Она! Водитель! Точно она, стерва!

И вспомнил наш странный разговор, который мне, пьяному, странным вовсе не казался:

– Ты хотел бы быть девушкой? – спрашивала она меня кокетливо.

– А то! – отвечал я (и чего спьяну не сболтнешь). – Если только молодой и красивой.

– И что бы ты стал делать?

Я (игриво):

– Придумал бы что-нибудь.

К счастью, Пашку запах из совмещённого санузла волновал куда больше, чем мой голос, и он начал костерить домоуправление. А потом дверь кухни начала открываться...

– Нет! – я бросился на неё с другой стороны, как вратарь на мяч.

– Что такое? – не понял Паша.

Чуть не ответив: «Я не одета» (вот уж дурацкое чувство юмора!), я замычал в нос:

– погоди немного!

Перевел дух... И, зажав нос пальцами, сказал:

– Паш, поговори со мной через дверь.

– А что случилось-то?

– Перепил вчера... Не в меру.

– Бывает, – засмеялся он. – А чё закрылся-то?

– Ну я это... совсем перепил.

– Перепел? – пошутил он.

Но тут же спросил озабоченно:

– Нагадил на кухне что ли?

– Хуже, – сказал я мрачно. – Ты меня не узнаешь.

– Ха-ха, – сказал он и потянул дверь сильнее.

* * *

Единственное, что я смог придумать, дабы вывести его из шокового состояния, это говорить раз за разом:

– Паша, я это, я. Я это!!!

Но Паша был не в шоковом состоянии. Он, как и следовало предположить, решил про себя совсем иное.

– Опять бабу приволок! – сказал он мрачно. – Саша-то где?

– Я и есть Саша, – сказал я. По-моему, получилось неубедительно.

– Очень приятно, – сказал он, всем видом показывая, что ни фига ему не приятно.

Осмотрел меня критически (аж мурашки побежали) и спросил вновь:

– Саня где?

И тут я выдал:

– Паша! (Трам-тарарам-пам-пам!). Если (трам-пам-пам) со мной тут такая херотень приключилась (пам-пам!), то это еще не значит, что надо на мои сиськи пялиться!

Такого высказывания, по-моему, не ожидали ни я, ни он. Просто вырвалось. «Всё, – подумал я. – Сейчас он меня просто выставит из квартиры!».

Но Паша, как человек на редкость интеллигентный, сказал довольно-таки вежливо:

– Объясни толком, что тут происходит.

Объяснял я долго и довольно-таки сбивчиво. От этих объяснений у Паши челюсть маленько отвисла.

Он сказал немного завистливо:

– А ты, Саша, хороший игротехник. Оценка «пять».

До меня дошло: он считает, что эта девушка (то есть я) его

разыгрывает с моей подачи.

С полной безнадегой я попросил:

– Паш, забей косяк, а?

А вот под косяком он мне поверил. По крайней мере, согласился, хоть и на время, принять эту версию.

После третьего (или пятого?) косяка, запитого кофе с коньяком, за партией в шахматы (я выиграл как всегда), он спросил, явно подыгрывая:

– Делать-то что собираешься?

– Найти эту дуру... То есть...

– То есть Саню найти?

– Ну... да.

Не знаю, поверил он или нет, но выгонять больше не собирался. Да и желания наши совпадали...

Хотя... Насчет желаний... Возникли у меня определённые подозрения: очень уж покладистым и обходительным стал, подлец. И тут вдруг я явственно осознал, что я... Ну, скажем, так... Не девственница. Почему-то эта мысль вновь повергла меня в шок.

* * *

Для начала легенду придумали такую: Паша звонит Диме, и спрашивает: «Где Саня?».

– Домой уехал, где больше-то! – голос Димы был на удивление бодрым (Паша включил громкую связь, и я всё слы-

шал). Настолько бодрим, что я аж позавидовал. Вот что значит опыт!

– Не доехал, – мрачно сказал Паша. – Кто его в машину сажал?

Дима явно не знал, кто меня сажал в машину...

Положив трубку, Паша спросил меня:

– Марка какая?

– Чего? – не понял я.

– Машины марка!

– А хрен её знает.

– Понятно.

...Короче, часа через два на его «Десятке» мы выехали в город: типа искать «Саню». Впрочем, скорее «искать» ехал только я, Паша же явно просто ждал, чем кончится эта комедия.

Подкалывал:

– Сань, а какво оно – быть женщиной?

– Да всё то же самое, только сиськи и п...да между ног, – отвечал я грубо.

Он в ответ смеялся и пару раз парковался, чтобы «дунуть» немного травы с помощью баночки от «Энерджайзера». Вообще, он всегда придерживался мнения, что Здравый Смысл куда важнее ПДД, а анаша – природный стимулятор. Впрочем, спиртного за рулём никогда не пил. Я же от травы отказывался и становился все мрачнее.

Сказал даже:

– Паш, а ты ведь мне не веришь? А?

– Хм..., – ответил он. – А ты бы поверила?

– Поверил, придурок! Впрочем, не знаю.

– То-то же!

...Мы доехали до «Луизы», прокатились до бильярдной. Даже зашли туда и выпили кофе. Компанию нашу вчерашнюю там помнили («Завсегдаи, а как же!»), а меня – нет. Я догадался показать свое фото на дисплее фотоаппарата. Такого тоже помнили, но такси – нет. Облом-с!

Ближе к вечеру Пашка предложил встретиться с Димой энд компани, но я отказался:

– Да ну их... Напоят опять!

На самом деле причина отказа была иной: хватит с меня Пашкиных взглядов. Эти-то тоже ведь пялиться начнут! А у меня одежда с чужого плеча... И тут поймал себя на том, что **МЫСЛЮ КАК ЖЕНЩИНА**: то, что я плохо одет(а), являлось для меня весомым аргументом! Ёп-тать!

Паша рассудил здраво:

– Пить не будем. Я за рулем, а ты... тебе вчерашнего хватило. А одеться... Давай мы тебя оденем.

Как галантный кавалер, он раскошелился. Долго предлагал одеть «стринги», я ругался. Выбрал, конечно «унисекс»: кроссовки, джинсы, футболку, свитер. Только трусы (хоть и не стринги) пришлось одеть женские. А куда деваться?

* * *

В «Луизе» все было так же, как вчера: то есть грязно, холодно и неудобно. Бородатый Дима потихоньку оприходовал графинчик с водкой. Паша подсел к нему, представился.

– Познакомь, – кивнул он в мою сторону.

И посмотрел... Бл..., лучше бы не смотрел.

– Саша, – сказал я, чувствуя себя полным идиотом(кой).

Ладно, хоть имя универсальное...

– Короче, Саня пропал, – сказал Паша, косясь на меня.

Я демонстративно пил апельсиновый сок: типа, тут ни при чем.

Дима был как всегда разумен:

– Спросим наших, вдруг кто помнит, как его в машину сажали.

– Здравая мысль, – ответил Паша.

И тут в дверях появился улыбающийся... я.

* * *

Поздоровался. Сказал, игнорируя мое присутствие:

– Паш, ты меня потерял, наверно? Я тут...

И тут я понял, для чего существуют длинные ногти.

Оттаскивали меня вдвоем.

– Кто эта стерва? – выдохнул ОН.

– Скажи лучше, где твоя одежда? А? А мобильник?

– Действительно, где? – Дима посмотрел на него вопросительно.

Тот ухмыльнулся (и как я жил с такой мерзкой рожей, а?!!):

– Так я и начал рассказывать... Эй-эй... Придержите её! Обобрали вчера в такси. Начисто обобрали. Хорошо хоть карточка осталась: вот, закупились новыми вещами...

* * *

Короче, что тут сказать? Расплачусь ещё... Косметика потечёт... Потом полчаса снова блеск наводи...

В общем, разбирались долго, но очная ставка сложилась не в мою пользу.

* * *

Помаялась я маленько, особенно с этими... каждый месяц... ну вы понимаете. С документами тоже... Но потом адаптировалась. Куда б я делась...

Замуж вот зовут... И даже подумываю – рожать-не ро-

жать... Всё как у всех, в общем.

Ах да, секс...

Ну... об этом не буду. Я – девушка скромная...

* * *

Из старых привычек? Ну да, осталось кое-что. Например, могу в морду дать... Но кого этим сегодня удивишь?

А! Есть всё-таки одна особенность: в Интернете я всегда под мужским именем.

Дань привычке.

Часть 2. Анализ будущего

Введение

Есть одна простая истина: мир вокруг тебя именно таков, каким ты себе его представляешь.

Как-то довелось мне оказаться в тюремной камере, и я, естественно, впал в депрессивное состояние. И находился в нем довольно долго – ровно до той поры, пока не вспомнил об эффективном способе решения ЛЮБОЙ проблемы: старом добром мозговом штурме.

Здесь, в камере-одиночке, имея огрызок карандаша, достаточно приличный кусок бумаги и практически не ограниченное время, грех было не воспользоваться этим шансом. Одна беда: в мозговом штурме обычно участвуют несколько человек... «Фигня, – решил я, – адаптируем».

Итак, первым делом я сформулировал проблему и написал крупными буквами в верхнем углу листа: «КАК ОТСЮДА ВЫЙТИ НА СВОБОДУ?».

Уже неплохо. Если верно утверждение, что вопрос задать сложнее, чем получить на него ответ, а также то, что интеллект – это искусство задавать вопросы (а не отвечать на них!), то, пожалуй, это утверждение применимо и к формулировке проблемы. Правильная формулировка – половина

успеха...

Но я отвлёкся. На втором этапе решения проблемы с помощью мозгового штурма нужно загадать число. Не очень большое, но и не слишком маленькое. Ну,... скажем от 9 до 20. Пусть будет 12. Хорошее число.

Следующий этап – самый простой: под формулировкой проблемы нужно в столбик написать цифры от 1 до 12.

А вот теперь – к делу. Быстро, почти не думая, 12 вариантов решения.

Вот что у меня вышло:

Побег: дверь

Побег: окно

Побег: стены

Побег: пол

Побег: потолок

Побег: подкуп

Ждать, пока выпустят

Симулировать болезнь

Заболеть

Убить (оглушить) охранника

Умолять выпустить

Умереть

* * *

М-да...

* * *

Дальше – дело техники. Берем самый худший из вариантов, вычеркиваем его и ставим напротив цифру 12.

У меня цифра 12 так и осталась двенадцатой... Помереть мы всегда успеем.

Теперь из оставшихся вариантов осталось выбрать худший, вычеркнуть и поставить цифру 11. Продолжать до тех пор, пока не останется одно решение.

...У меня остался первый вариант...

Теперь надо лишь подойти к двери и открыть её.

Всё просто.

* * *

Медленно-медленно, словно и вправду веря в чудо, я подошел к двери и аккуратно дотронулся до нее пальцами.

Холодная. Железная. Тяжёлая.

Запертая.

Легонько толкнул... Надавил плечом...

И ушёл обратно в свой угол, рассматривать записи.

* * *

А ведь знал, что из двенадцати всегда нужно выбирать тринадцатый!

Знал!

Я подошёл к кровати, вынул из-под подушки мобильник, нажал кнопку вызова единственного номера.

– Что, уже сломался, выпускать? – послышался оттуда ехидный голос.

На то, чтобы ответить «нет», мне потребовались все мои силы.

Но потом я нашёл еще чуток сил: для того чтобы написать на листке цифру 13.

А напротив неё следующее: «Считать весь мир тюрьмой, а эту камеру – свободой».

Увольнение

– Вот только жалеть меня не надо, ладно?

Я обернулся к коллективу и улыбнулся своей знаменитой щербатой улыбкой. Говорят, в такие моменты я немного напоминаю аллигатора. И иногда мне кажется, что не врут.

Вот только все это пока только бравада.

Два кибера послушно берут меня под локотки и медленно, с достоинством, ведут к заднему отсеку корабля. В камеру, откуда не смогли сбежать даже псилопоиды. Эх, а ведь начиналось всё совсем неплохо!

Впрочем, капитан этой космической лохани мне сразу не понравился. Командиров кораблей я обычно для себя делил всего на три типа:

а) Старый космический волк, обычно – тёртый служака. Резкий, даже грубый, но прямолинейный;

б) «Прилипала» – хитрый подлиза, выслужившийся из «вечных замов», умело подсидев хозяина. Такие либо становятся самодурами, либо лижут новые, уже более высокие задницы. Они обычно трусоваты, поэтому потенциально не так опасны, как кажется вначале;

в) «Сынок» – тот, кого по жизни ведёт чья-то властная рука. Как ни странно, среди «сынков» иногда попадаются вполне приличные ребята...

Остальные типы я всегда считал промежуточными.

Этот шеф оказался из каких-то новых: больше похож на коммерсанта, чем на командира боевого корабля: здоровый цвет лица, белоснежные зубы, безупречный костюм. И манеры... масляные какие-то. Сразу он мне не понравился.

– Как же, как же..., – приветствовал он меня, – самый известный охотник за чужими в секторе «К». Наслышан, наслышан!

И обдает своей улыбочкой, как волнами ультрафиолета. Я бы послал его... Доверяю интуиции. Но к тому времени на Каркане мою кредитку уже не принимали даже в публичном доме мадам Крокотай, девочки которой не гнушаются никем, даже нелегалами-псилопоидами. В общем, там была... она самая. Вы поняли.

Задание новый шеф сформулировал туманно: «Поймаешь пару монстров и засадишь их в трюм». Контракт стандартный, не подкопаться. В общем, свою интуицию я послал куда подальше с помощью бутылки виски «Старый ворчун» в корабельном баре...

Зато команда подобралась что надо: будто пиратский набег задуман был, а не операция флагманской колонны. Все, вплоть до кока, из Иностранного легиона. Старые, тертые, проверенные. Прелесть, в общем! Даже психолог, положенный по штату, – девка, а не киборг. Еще не хватало мне силиконовой вагины... В общем, жить можно... Так тогда казалось.

...До тех пор, пока не обнаружилось, каких именно «монстров» хочет посадить в трюм наш капитан.

Первого «монстра» звали Крис – мальчик земного типа, 12 лет. Второй «монстр» – девочка, четырнадцать с половиной. Кристина. Родная сестра Криса.

– Что за хрень? – спросил я у капитана, когда он предъявил раскладку.

Его ответной улыбке позавидовал бы даже чеширский кот:

– Папа этих деточек – босс «Валенсии».

И только тут я понял, в какое дерьмо вляпался: «Валенсией» назывался межгалактический картель, контролирующий доставку легальных (а если не врут длинные языки, то и нелегальных) наркотиков во всем секторе «К».

– Киднеппинг? – хрюкнул я.

– Фу, как грубо, – осклабился шеф. – Я бы назвал это военной спецоперацией...

– ...направленной на большую перетасовку сфер влияния, – добавил я, улыбаясь фирменно, по-крокодильски.

– Вот именно! – ответил он и спросил напрямую: – Хотите отказаться выполнить приказ?

– Никак нет, сэр! – ответил я, щёлкнув каблуками.

– Тогда соизвольте предоставить план поимки и доставки чужих, – бросил тот холодно.

Что это, если не дерьмо?

...

Всю ночь я ворочался, то и дело вставая, чтобы рассмотреть объемные изображения Криса и Кристины. К утру план у меня созрел, прямо скажем, – гениальный.

– Мой план таков, шеф: пошёл ты в жопу!

И что теперь удивляться, что меня ведут в камеру, предназначенную для чужих? А самое смешное – детям босса «Валенсии» это моё геройство совсем не поможет: просто шеф назначит другого исполнителя.

Вот только жалеть меня не надо, ладно?

* * *

Осталось рассказать совсем малость: о том, почему я щербат. В коронку зуба суперам моего класса всегда вшивают миниатюрные плазменные генераторы. Дырка на месте зуба означает, что я безоружен и беспомощен даже против обычных киберов. Вот только это – сказки для тех, кто меня плохо знает!

...Прежде чем войти в камеру, я ненароком ударяюсь лицом о дверной косяк, и через секунду в моей руке вполне приличное оружие, которое в доли секунды лишает головы одного из моих охранников, а второму делает в груди дыру

размером с футбольный мяч.

...Ещё через десять минут мой – теперь бывший – шеф, влетает в ту же камеру. И готов поспорить: благодаря прогулке от своего кабинета до камеры сидеть на своей заднице комфортно он не сможет недели две!

А потом я улыбаюсь встревоженному коллективу своей, еще более щербатой, улыбкой, и говорю:

– Шеф уволен. Есть возражения?

В ответ – целый забор ответных улыбок. Особенно старается психолог, положенный по штату. Её улыбка мне почему-то особенно приятна...

Есть ли жизнь на Марсе?

– Да ты чё, какая там жизнь?! – Мой собеседник – грузный носатый дядька под сорок – смачно сплюнул прямо мне на ботинок. – Ты сам подумай: работа-общага, общага-работа, работа-бордель. Вольных баб раз-два и обчелся, все давно «при деле». А бордель? Ты видел тот бордель?! Тринадцать девок от тридцати и выше, расхитанных вдоль и поперек! А цены?! Ты видел там цены? Нет, увольте: какая там жизнь – су-ще-ство-ва-ние!

Но мне вовсе не нужен был материал для очерка. Мне на самом деле хотелось понять причину популярности марсианской колонии. У кого ни спроси (и этот не исключение) – все хают жизнь там на чем свет стоит. А возвращаются – единицы. И то, только затем, чтоб прошвырнуться здесь, покидаться длинными «марсианскими» рублями – и назад.

– Так ты навсегда на Землю? – спрашиваю осторожно.

– Не, ни в коем случае, – отвечает тот. – На той неделе назад. Привык, понимаешь. В моем возрасте поздно уже...

– Может все дело...

– В порошочке?

– Ну да, я про «марсианский кокаин».

«Марсианский кокаин» – давно известный полуполюгальный наркотик. Почему «полуполюгальный»? Да потому что в одних странах разрешён, в других – нет. Вот у нас, к примеру:

«только в строго отведённых местах». Я не пробовал, кстати: дорого очень. Хотя, говорят, ничего опасного: как и у LSD, прямой вред здоровью не доказан, действие – индивидуальное. В общем, хрень, конечно, интересная, но не так, чтобы за неё убиваться.

– Интересуешься? – спросил он хитро.

– Да не так, чтобы... Давай лучше водяры хлебнём. Дорого, поди, там у вас на Марсе-то?

Тот крякнул:

– Да, недёшево...

В общем, через пару часов нализался он так, что мама-дорогая. На ногах почти не стоит, но языком еще ворочает. Я тоже – но с трудом, зато память у меня профессиональная: инфу ловлю в любых состояниях.

Тут-то я и рублю его в лоб:

– Вась, или как ты там?

– Петя я, Петя, – отвечает тот без обид.

– А... Я помню, память у меня... это... проф-ф-ф-е-с-си-ональная. Я г-гов-ворил, д-да?

– Да.

– Так в-вот, Вась... ой, извини, Петь, брателло. Колись как на духу: чё вы такое нашли на этом вашем Марсе? Медом ш-ш-толи смазано? А?

Молчит, покачивается. Потом говорит:

– Н-не поймешь.

– П-пойму. Я опытный. Я г-говорил уже?

– Г-гов-ворил. В-все од-дно н-не п-поймешь.

– Ты г-говори, а т-там разб-беремся.

– П-порош-шок, б-брат-тан, над-до пробов-вать на М-марсе, а н-не тут. Ус-сек? Вс-с-се. Э-т-того я т-те не г-гов-ворил. П-понял?

...Я потом долго вспоминал этот разговор. Разбередил этот бродяга моё любопытство до невозможности. Я даже «марсианский кокаин» попробовал – здесь, на Земле, естественно. Нич-чо особенного, я вам скажу: легкие галики с параноидальным уклоном – как и у всех, говорят... Но ведь засели его слова: камнем не выбьешь!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.